

УДК 09(52):9(571.5)(–21)

Иркутск в японских исторических памятниках XVIII – начала XIX в.

С. И. Кузнецов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Исследуются несколько японских рукописей XVIII–XIX вв., содержащих первые для Японии сведения о Сибири и Иркутске: «Оросиякоку суймудан», «Хокуса монряку» Кацурагава Хосю, «Канкай ибун».

Ключевые слова: российско-японские отношения, японские рукописи XVIII–XIX вв., Кацурагава Хосю, «Хокуса монряку», «Канкай ибун», В. М. Константинов, В. Н. Горегляд, Иркутск.

Отдельные, часто отрывочные сведения о Сибири и Иркутске содержатся в нескольких исторических памятниках Японии XVIII – начала XIX столетия. Политика самоизоляции Японии не способствовала сбору и систематизации знаний о сопредельных территориях. Значительная часть информации об Иркутске отложилась в японских рукописях, связанных с вернувшимися из России японскими моряками. Наиболее известный из них – Кодаю Дайкокуя.

История японского капитана Кодаю Дайкокуя достаточно хорошо известна благодаря изданному в нашей стране роману японского писателя Иноуэ Ясуси «Сны о России» [1] и его одноименной экранизации, выпущенной «Ленфильмом» в 1992 г. Вкратце его история сводится к тому, что в начале 1783 г. судно «Синсё-мару» под командованием капитана Кодаю вышло с грузом риса и других товаров из гавани Сироко провинции Исэ (ныне – префектура Миэ). В Тихом океане небольшое судно (а в период самоизоляции в Японии не строились большие корабли) было застигнуто бурей, потеряло мачту и руль. После почти шести месяцев скитания судно оказалось у одного из Алеутских островов – острова Амчитка. Корабль потерпел крушение, а его команда из 17 человек в течение почти четырех лет перемещалась с Алеутских островов на Камчатку, оттуда в Охотск, далее в Якутск и наконец в 1789 г. достигла Иркутска. За это время несколько моряков умерли от болезней. В Иркутске японцы прожили больше трех лет. За это время Кодаю, самый развитый и любознательный из них, освоил азы русского языка, а затем при содействии местного ученого-естествоиспытателя Кирилла (Эрика) Лаксмана съездил в 1791 г. в Петербург. Там они добились аудиенции Екатерины II и получили разрешение вернуться на родину. В 1792 г. японцы были доставлены на родину специально снаряженной экспедицией Адама Лаксмана на бригантине «Екатерина». Этим жестом доброй воли

Россия пыталась воспользоваться, правда безуспешно, как предлогом для налаживания отношений с закрытой для внешнего мира Японией. Судно прибыло в порт Нэмуру на острове Хоккайдо, где Кодаю и его спутник Исокити были фактически взяты под стражу и отправлены в Эдо для расследования.

История эта имела продолжение. В столице Кодаю был подробно допрошен в присутствии сегуна Токугава Иэнари. Запись показаний Кодаю вел придворный врач, переводчик и писатель Кацурагава Хосю (1751–1809 гг.). Кацурагава фактически стал первым японским собирателем сведений о России и ее обитателях, автором первой японской истории России «Оросияси» («Записки о России»). Неоценимым источником данных о России, кроме голландских книг, для него оказались рассказы Кодаю.

Подробная биография Кацурагава Хосю приведена в истории его семьи [6]. В России информация о допросах Кодаю и составлении на основе показаний очевидца-японца доклада о соседней стране стали известны благодаря двухтомному труду Д. М. Позднеева [8]. Именно на него опирался и наиболее авторитетный американский исследователь темы русско-японских отношений Дж. Ленсен, описывая похождения Кодаю [9, p. 181–183.]

Сведения Кодаю о России и особенно представляющие для нас интерес материалы об Иркутске XVIII в. сосредоточены в двух рукописях, переведенных и детально прокомментированных известным советским японоведом, выпускником Иркутского университета, профессором В. М. Константиновым (1903–1967 гг.). Первая из них – «Оросиякоку суймудан» («Рассказы сонных видений о России» или «Сонный бред о России») относится к XVIII в. и была приобретена более ста лет назад для Владивостокского восточного института профессором Е. Г. Спальвиным у букиниста в Киото. Ее перевод был представлен В. М. Константиновым в 1959 г. в качестве кандидатской диссертации, а в 1961 г. в серии «Памятники литературы народов Востока» издан со вступительной статьей и подробными комментариями [3].

Другая рукопись, переведенная В. М. Константиновым, авторство которой принадлежит Кацурагава Хосю, называлась «Хокуса монряку», или в интерпретации переводчика «Краткие вести о скитаниях в северных водах» [2]. Этот свод сведений о России был создан по повелению сегуна Токугава Иэнари в 1794 г. и поступил на хранение в правительственный архив как материал, не подлежащий распространению; в Японии он был издан в печатном виде только в 1937 г. В предисловии к русскому изданию академик Н. И. Конрад писал: «Кацурагава Хосю, составитель «Хокуса монряку», присутствовал при допросе и записал показания Кодаю, бывшие, в сущности, простым рассказом о пережитом и виденном им во время работы по составлению свода сведений о России, предпринятым затем Кацурагава. Разумеется, он воспользовался и тем, что узнал от Кодаю, но главный материал для своего описания России он почерпнул из различных источников, которые он мог получить от голландцев – единственных европейцев, имевших тогда доступ в Японию, и от китайцев» [2, с. 19].

В рукописи «Оросиякоку суймудан» Иркутск прямо упоминается лишь шесть раз. Кодаю сообщает о своем приезде в этот город: «На следующий

год, т. е. в год Птицы (1789 г.), 7 февраля приехали в Иркутск, покрыв расстояние в 2480 верст. Все это время ехали сухим путем по замерзшей поверхности снега на больших саях. На них построен небольшой дом, а везли их четыре лошади.

Иркутск – это вроде северного бастиона России. За несколько лет до этого из Намбу (нынешние префектуры Аомори и Иватэ. – С. К.) [в Россию] было занесено морем восемь человек, их оставили здесь и сделали переводчиками японского языка... Говорят, что всех, кого заносит к северо-восточным берегам, отправляют сюда в Иркутск» [3, с. 40]. Информации об Иркутске в этой рукописи сравнительно немного: «Там необыкновенно холодно. Зимой, выходя из дома, надевают меховые шубы, а лица укрывают мехом лисицы, оставляя открытыми только глаза... На питание нам выдавали по 10 медных мон в день. На эти деньги мы покупали говядину, пшеницу и прочее, и этих десяти мон нам вполне хватало на день на различные расходы» [3, с. 54]. В Иркутске большое участие к японцам проявил ученый-естествоиспытатель Кирилл (Эрик) Лаксман. В рукописи о нем говорится: «Там был один человек по имени Кикуро. Он был очень сердечный человек и оказал большую помощь этим трем японцам. Он сказал, что если они поедут в столицу Московии и там обратятся с этой просьбой лично к императрице, то смогут вернуться на родину... От Иркутска до столицы Московии 5823 версты. Ехали также на саях с небольшой избушкой на них. В сани были впряжены лошади; ехали днем и ночью» [3, с. 41]. Кодаю описал стекольный завод Лаксмана: «Фабрика стеклянных изделий Кирилла Лаксмана находится в шести-семи верстах в глубине гор. Она устроена на площади, каждая из которых равна около двухсот сажень. Мастеровых двадцать один человек, все они живут там с женами и детьми в домах, стоящих рядом друг с другом. Там же имеется баня, пекарня и т. д., так что получается прямо как городок.

Из стекла там делают рюмки, листовое стекло, чашки с крышками, лампы, всевозможные бусы и т. д. Изделия фабрики продаются не только в стране, но много отправляется в маньчжурские края. Производительность фабрики в год очень велика» [2, с. 35–36]. В сентябре 1792 г. согласно указу Екатерины II иркутскому генерал-губернатору И. А. Пиллю судно с японцами покинуло Охотск, а 7/18 октября 1792 г. прибыло в порт Нэмуру. «Итак они пристали к берегу и сразу же через переводчика заявили об этом» [3, с. 44]. Прибывшие чиновники учинили подробный допрос и приняли привезенные дары, направленные иркутским генерал-губернатором на основании все того же императорского указа: «Для большего обласкания японского правительства употребить из казны до 2000 рублей на покупку разных различных товаров, кои бы вы от имени своего в подарок послать можете» [3, с. 80]. Послано было стеклянных графинов – 5, стаканов – 10, шкур тигров и кабанов – 5 штук пяти цветов, красного сукна – 1 рулон, светло-зеленого сукна – 1 рулон, торомэн (хлопчатобумажная ткань) – 1 рулон [3, с. 44.].

«Хокуса монряку» значительно более подробно сообщает об Иркутске и его жителях: «По приезде в Иркутск Кодаю и прочие остановились в доме

кузнеца по фамилии Волков... В этом месте [в Иркутске] больше трех тысяч домов, это очень оживленный, процветающий город. Не найдется ни одного вида торговли, промышленности или товаров, которых бы там не было. В Иркутск постоянно приезжают торговать люди из Китая, Кореи, Маньчжурии и других мест» [2, с. 75]. Китайцы торгуют лекарствами, румянами и пудрой, чаем, сахаром-леденцом, хлопком, деревянной посудой и т. д. «Базар, – сообщает Кацурагава, – занимает окруженную забором площадь в полтора тё (японский тё соответствует 0,99 га. – С. К.), все дома здесь кирпичные и крыты медью. С одной стороны стоит сторож, выставляемый властями. Купцы живут в другом месте. Они каждое утро приходят сюда, открывают свои лавки, торгуют целый день и лишь с сумерками закрывают торговлю и возвращаются домой» [3, с. 111].

Весь материал рукописи Кацурагава распределен по тематическим главам, например: «Название земель, в которых они [японцы] побывали», «Российская генеалогия», «Земля и климат», «Люди и обычаи», «Фамилии, имена, обращения», «Брак», «Похороны», «Система управления и жалование чиновников», «Жилища, больницы, кровати, бани, уборные», «Травы, деревья, Птицы, Животные, Рыбы, Насекомые и пресмыкающиеся, металлы и минералы» и т. д. К сожалению, большая часть информации не привязана к конкретным местам и носит обобщающий характер. Значительное количество данных относится к Петербургу и Москве, которые произвели на японцев наибольшее впечатление и где они смогли увидеть многие неведомые для них вещи и явления.

Тем не менее ряд наблюдений Кодаю, зафиксированных Кацурагава, касается Иркутска. Например, описывая представителей разных национальностей, населяющих Россию, он так рисует бурят: «Буряты или брацкие. Живут там и сям между Охотском и Иркутском. Цветом черны, выражение лица очень страшное. И мужчины, и женщины носят косы, а женщины стараются, чтобы их косы были как можно длиннее и для этого приплетают к ним чужие волосы... Одеваются в шкуры собак и овец, живут в восьмиугольных очень низких... жилищах» [3, с. 129].

Об иркутской застройке Кацурагава пишет: «В Иркутске и его окрестностях домов мало, поэтому у каждого дома имеются ворота и много деревянных одноэтажных домов. Ворота делаются двустворчатыми и запираются засовами. Крыши над воротами нет, а есть поперечная перекладина из большой квадратной балки, на нее кладутся еще три отесанные квадратные балки, каждая из которых короче и уже лежащей внизу. Ограда вокруг дома сооружается из круглых бревен, положенных горизонтально одно на другое.

Крыши домов кроются длинными плоскими лиственничными досками, в нескольких местах скрепленными поперечинами. Водосточные трубы делаются из бревен, выдолбленных внутри, как бочки, и прикрепляются прямо к застрехе. Иногда встречаются деревянные дома, крытые глиняной черепицей. Черепица у них вся плоская и не закрывается одна под другую, как чешуя рыбы, а кладется впритык край к краю.

Божницы специально не устраиваются, а просто в каждой комнате в переднем углу на стену вешается икона. У людей от среднего сословия и выше [на иконах] нарисован лик, а одеяния фигурные сделаны из серебра. Перед [иконами] обычно горит стеклянная лампада. У бедных лампада горит не всегда, а каждый раз, когда нужно помолиться, они зажигают небольшую восковую свечу» [3, с. 179–180]. В рукописи имеется подробное описание жилого помещения состоятельных горожан и бани. О больницах Кацурагава сообщает, что называются они *осиритари* (госпиталь) или же *боринойсино дама* (больничный дом). «Сёдзо, оставшийся в Иркутске, лечился в местной больнице. Здание больницы в Иркутске построено в китайском стиле и очень красивое. Каждые семь дней в больницу приходит сам губернатор, обходит палаты и лично дает указание относительно пищи, лекарств и тому подобное» [3, с. 189].

О методах лечения Кодаю рассказывал, что «в Иркутске у него заболела нога и он [лег] в больницу лечиться. Лечили его горчицей. А кроме того, взяв землю [из которой сложена] муравьиная куча, вместе с муравьями вскипятили в воде. Потом эту горячую воду налили в длинную плоскую бочку, примерно на 5 сяку (сяку – японская мера длины, равная 30,3 см) и уложили в нее Кодаю полусидя, накрыв сверху крышкой, а поверх крышки еще толстым войлоком. Распарившись [он] вспотел, дышать было трудно и, не в состоянии выносить такого мучения, [он] стал изнутри стучать в крышку, но [ее] не открывали, [у него] даже голова закружилась. Но в конце концов крышку сняли, и [его] выпустили, после чего [он] вскоре почувствовал себя очень хорошо» [3, с. 243].

В. М. Константинов называл еще несколько памятников того времени, которые повествовали о Кодаю. Это «Синсё-мару хёминки» («Запись об унесенных морем на корабле Синсё-мару»; «Хёмин горан-но ки» («Прием сёгуном потерпевших кораблекрушение») – в нескольких вариантах; «Оросиякоку хёминки» («Записки об унесенных морем в Россию»); «Хокухэн дзакки» («Разные записи о северных краях»); «Хёрю сики» («Частные записки о потерпевших кораблекрушение»); «Эдзоти сёхокки» («Первоначальные записи о земле Эдзо») и, наконец, «Канкай ибун» («Необыкновенные сведения об окружающих морях») – многотомная рукопись, составленная в конце 1805 – начале 1806 г. придворным врачом Оцуки Гэнтаку и Симура Кокё. Из перечисленных рукописей лишь «Канкай ибун» была переведена на русский язык замечательным российским японистом В. Н. Гореглядом (1932–2002 гг.) [19; 20]. Ее история отчасти сходна с историей «Хокуса монряку». В то время как Кодаю уже был на родине, в конце декабря 1793 г. из порта Исиномаки на северо-востоке Японии (нынешняя префектура Мияги) вышло судно «Вакамия-мару» с 17 членами команды и грузом риса и леса. Застигнутое тайфуном, после многодневного скитания в море судно прибило к северо-восточной части Алеутских островов. Дальнейшая судьба моряков с «Вакамия-мару» повторяет путь Кодаю и его товарищей: Охотск – Якутск и Иркутск, где японцы прожили восемь лет. Вернуться на родину четверым из команды удалось только в 1805 г. с экспедицией

И. Ф. Крузенштерна. Прибывшие многократно опрашивались, по-видимому с определенной задачей – создания свода самых современных и полных сведений о сопредельном государстве. Моряков опрашивали врач Оцука Гэнтаку и голландовед Симура Хироюки. Составляя рукопись, они дополняли информацию, полученную от моряков, материалами из китайских и голландских источников, консультировались с Кодаю. Работа была завершена в 1807 г., а ее результатом стала рукопись из 15 свитков (16 – в других списках).

Данные об Иркутске встречаются с 3-го свитка. Некоторые из них повторяют содержащиеся в «Хокуся монряку», но в целом они более подробные и систематизированные. «Домов там около трех тысяч. На службе у губернатора, как мы слышали, состоят несколько человек. Со стороны метрополии их сменяют каждые три-четыре года. Низших чиновников и солдат примерно 1800 человек. Старейшина города – человек, именуемый *коросинити* (городничий). Храмов в [городе] тринадцать. Все дома построены из камня, стоят вперемешку с деревянными. В направлении У-Тацу-Ми (юго-восток) есть горы; с запада к северу город огибает большая река. Река широкая, течет в сторону Якутска. Толщина льда на этой реке в очень холодное время достигает несколько сяку. С начала 3-й луны, в то время когда вскрывается лед, от речного русла поднимается пар, как будто встает туман, так что не различить даже лица у людей. Ширина участка, занимаемого городом, – около четырех ри» [5, с. 111] (ри – мера длины, равная 3927 м)». Город в рукописи описывается так: «Улицы проходят поперек и вдоль, на улицах там и сям есть церкви. Особо названий улиц не слышали. Жилые дома разыскивают, произнося названия церквей. Узкие дороги [имеют] семь-восемь *кэн*, по широким проезжают три телеги в ряд. Дома строят и каменные и деревянные. Среди них каменных домов мало, все [каменные дома] двухэтажные. Церквей тринадцать все каменные. Обширность конструкции каждой усадьбы зависит от ее границ: большие и маленькие дома здесь позади жилища имеют огород, [где] выращивают редьку, репу, табак и прочее... Рыбная улица существует отдельно. Там стоят в ряд лавки, где продают только рыбу. Кроме того, разного рода свиное и говяжье мясо продают в городских лавках. Мясные улицы есть на окраинах. Вообще говоря, все окрестности открытые. Улицы для солдат, больницы, кузницы отстоят от улиц на половину *ри*» [5, с. 113]. Из тринадцати церквей моряки смогли приблизительно воспроизвести названия только шести: *Кэрэсүтоу* (Крестовоздвиженская?), *Тороицу* (Троицкая), *Супасан* (Спасская), *Тётотобори* (переводчик интерпретировал как «Тобори» – вероятно, собор), но скорее всего это Чудотворская. – С. К.), *Сэрихэциукэ* (*Дзэрихэциукэ*) – в интерпретации переводчика «Сергиевская» (?) [5, с. 135] (возможно, Знаменская. – С. К.).

Любопытно, что в Иркутске моряки с «Вакамия-мару» повстречались с Синдзо из экипажа Кодаю, который после крещения получил имя Николая Петровича Колотыгина и был переводчиком и преподавателем японского языка в Иркутске [5, с. 108]. Познакомились они здесь и с Е. И. Туголуковым – учеником Токубэя Такэути (в рукописи – Токубэ), еще одного япон-

ского моряка с судна «Тага-мару» (в рукописи ошибочно указано – «Тана-мару» [5, с. 109–110]), который оказался в Иркутске в конце 40-х гг. XVIII в., долгое время жил и умер здесь. Моряки с «Вакамия-мару» обнаружили его могилу с каменным памятником на иркутском кладбище [5, с. 109].

Свитки 4–7 рукописи большей частью основаны на наблюдениях японских моряков, сделанных в Иркутске. Здесь подробно описаны еда, питье, одежда (свиток 4); внешний вид храмов, вероучение, храмы и религия, рождение детей и их воспитание, имена младенцев, браки (свиток 5); похороны, церемонии, учреждения и названия чиновников, служебные обязанности, государственное управление, солдаты, воинская подготовка (свиток 6); меры длины и расстояний, меры веса, музыкальные инструменты, животные, рыба, зерновые, овощи, плоды, счет, местные обычаи и нравы (свиток 7).

Материалы японских исторических памятников представляют большой интерес для сибиреведов. С одной стороны, они в какой-то мере дополняют наши представления о Сибири и Иркутске XVIII столетия, с другой – являются собой взгляд как бы со стороны, взгляд людей, совсем не знавших или плохо знавших русский язык и по-своему, иногда весьма оригинально, интерпретирующих события и явления сибирской жизни.

Японские исторические памятники XVIII–XIX вв., составленные на основе показаний моряков, заброшенных морем в Россию и длительное время здесь проживавших, стали доступны благодаря огромному труду замечательных российских японистов профессоров В. М. Константинова и В. Н. Горегляда. Значительное место в этих рукописях уделено Сибири и Иркутску. Как справедливо отмечает К. Г. Маранджян, есть один немаловажный факт: «В. Н. Горегляд был родом из Сибири, он родился в г. Нижнеудинске Иркутской области, откуда уехал в пятнадцатилетнем возрасте. (В. М. Константинов родился в Иркутске и окончил Восточное отделение внешних сношений Иркутского университета. – С. К.) Это обстоятельство оказалось как нельзя кстати при работе над переводом рассказов моряков. Дело в том, что сами японские моряки – люди весьма малообразованные – долгое время провели в Сибири, где понемногу осваивали русский язык, на котором говорили окружавшие их люди. Среди усвоенных слов было немало диалектизмов, присущих сибирскому говору, которым прекрасно владел В. Н. Горегляд. Именно это позволило ему реконструировать многие русские слова, сильно искаженные из-за несовершенства системы транскрипции и плохого русского произношения моряков. Кстати, и сам переводчик отдавал себе отчет в том, что это задача, которую мало кто мог бы решить» [7, с. 9]. Сказанное в полной мере относится и к В. М. Константинову.

Список литературы

1. *Иноуэ Ясуси*. Сны о России / Ясуси Иноуэ. – М. : Наука, 1977. – 230 с.
2. *Кацурагава Хосю*. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / Хосю Кацурагава ; пер. с яп., коммент. и прил. В. М. Константинова. – М. : Наука, 1978. – 471 с.

3. Оросиякоку суймудан (Сны о России) / изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. В. М. Константинова ; под ред. Н. И. Конрада. – М. : Изд. вост. лит., 1961. – 130 с.
4. *Оцуки Гэнтаку*. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая / Гэнтаку Оцуки, Хироюки Симура ; изд. текста и предисл. В. Н. Горегляда. – М. : Изд. вост. лит., 1961. – 37 с.
5. *Оцуки Гэнтаку*. Удивительные сведения об окружающих землю морях / Гэнтаку Оцуки, Хироюки Симура ; пер. В. Н. Горегляда. – СПб. : Гиперион, 2009. – 392 с.
6. Рангаку-но изэ Кацурагава-но хитобито (Люди голландоведческого дома Кацурагава). – Токио : [б. и.], 1965. – 456 с.
7. *Маранджян К. Г.* От редактора // Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Удивительные сведения об окружающих землю морях / пер. В. Н. Горегляда. – СПб. : Гиперион, 2009. – С. 7–8.
8. *Позднеев Д. М.* Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России / Д. М. Позднеев. – Иокохама : Тип. Ж. Глюк, 1909. – Т. 1–2. – 304 с.
9. *Lensen George A.* The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. – N. Y. : Octagon Books, 1971. – 553 p.

The Irkutsk in the Japanese Historiography Heritage of XVIII – the Early XIX Century

S. I. Kuznetsov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deal with first information about Siberia and Irkutsk from Japanese manuscripts of XVIII–XIX centuries: “Orossia koku suimudan” by Kodayu Daikokuya, “Hokusa monryaku” by Katsuragawa Hoshu, “Kankai Ibun.

Keywords: Russian-Japanese relations, manuscripts of XVIII–XIX centuries, Katsuragawa Hoshu, Hokusa monryaku, Kankai Ibun, V. M. Konstantinov, V. N. Goreglyad.

Кузнецов Сергей Ильич

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952) 24-38-75
e-mail: ski@home.isu.ru*

Kuznetsov Sergey Ilyich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of World History
and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 24-38-75
e-mail: ski@home.isu.ru*